

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-3-46-51

Е.Ю. ГЕЙМБУХ

Слово в «Повестях Белкина»: сложности выявления смыслов (На материале лексем *метель*, *судьба*) (К 220-летию со дня рождения)

Статья посвящена одному из частных вопросов стилиевой организации цикла «Повести Белкина» – изучению авторской работы со словом, которая заключается как в актуализации словарного значения, так и в контекстном приращении коннотативных смыслов. Отталкиваясь от литературоведческих, историко-филологических и лингвопоэтических исследований «Повестей Белкина», автор статьи акцентирует внимание на лексико-семантической составляющей цикла. В статье анализируется функционирование лексем *метель* и *судьба* с учетом их принадлежности разным субъектам речи в различных контекстах – малых и больших.

Ключевые слова: «Повести Белкина»; семантика; приращение смыслов; коннотация; субъект речи; контекст; дискурс; эпиграф

Elena Yu. Gejmbukh

The Word in the «The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin»: Difficulties in Identifying Meanings (On the Material of the Lexemes *Blizzard*, *Fate*). (To the 220th Anniversary of the Birth)

The article is devoted to one of the specific issues associated with the stylistic organization of «The Belkin Tales», namely research into the author's work with the word, which consists both in the actualization of the dictionary meaning and in the contextual increment of connotative meanings. Following the analysis of literary, historical, philological, and linguopoetic studies of «The Belkin Tales», a particular attention is paid to the lexical and semantic component of the cycle. The article analyses the functions of the *blizzard* and *fate* lexemes, taking into account their production by different characters in various contexts – both small and large.

Keywords: «The Belkin Tales»; semantics; increment of meanings; connotation; subject of speech; context; discourse; epigraph

Елена Юрьевна Геймбукх, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Институт гуманитарных наук

E-mail: gejmbuh@rambler.ru

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

2-й Сельскохозяйственный проезд, корп. 4, Москва, 129226, Россия

Moscow City University

4, 2nd Selskokozijsstvenny Proezd, Moscow, 129226, Russia

Ссылка для цитирования: Геймбукх Е.Ю. Слово в «Повестях Белкина»: сложности выявления смыслов (На материале лексем *метель*, *судьба*) (К 220-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2019. – № 3. – С. 46–51. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-3-46-51.

Пушкинские «Повести Белкина», не всеми современниками оцененные по достоинству, продолжают привлекать исследователей, которые пытаются разгадать тайну обманчивой простоты цикла.

В основном это литературоведческие работы (см.: [Жилина 2017; Коровин 2013; Ильенко, Электронный ресурс] и многие другие.).

Новый свет на цикл проливают историко-филологические изыскания С.С. Ипполитова и В.И. Тюпы («Мистификация Пушкина: кем был покойный “славный малый” Иван Петрович Белкин?»), которые не только обнаруживают дотолу неизвестный пласт пушкинского произведения (прототип образа Белкина), но и указывают на роль цикла в жизни самого писателя: «Повести»,

в каждой из которых так или иначе упоминается свадьба, воспринимаются как «свадебный букет» Пушкина Наталья Николаевна [Ипполитов, Тюпа 2015: 144].

Лингвопоэтическое направление представлено ставшими традиционными работами о специфике повествовательной структуры цикла, которая обуславливает своеобразие языкового и композиционно-речевого уровней текста. На наш взгляд, именно понимание роли системы рассказчиков ведет к адекватному восприятию смысла «Повестей Белкина», который мы вслед за В.Е. Хализевым и С. Шешуновой понимаем как сочувствие изображаемому миру, который конструирует себя в соответствии с литературными образцами, но не исчерпывается ими [Хализев, Шешунова 1989].

Предметом нашего исследования является лексико-семантическая составляющая «Повестей Белкина» не столько в плане разделения дискурсов разных субъектов речи (автора, Белкина, рассказчиков, героев), сколько в аспекте выявления авторской работы со словом, которая заключается как в актуализации словарного значения, так и в контекстном приращении коннотативных смыслов. Уточним, что хотя разделение дискурсов и не является основным предметом нашего внимания, но не учитывать принадлежность слова тому или иному субъекту речи при анализе многосубъектного повествования невозможно. Отметим, что мы рассматриваем разные типы контекстов — как малые (фрагмент повести), так и большие (отдельные повести и/или цикл в целом). Коннотативные значения мы понимаем как дополнительные оттенки смысловой и/или эмоционально-экспрессивной составляющей слова.

Способы указания на новые оттенки значения, как и функции изменений в семантике слова, весьма различны. Слова и выражения, приобретающие дополнительные смыслы и/или актуализирующие основные, могут находиться как в сильных позициях (заглавие, эпиграф и др.), так и «теряться» среди мелких (но не незначительных) подробностей изображения.

Начнем рассмотрение с названия повести «Метель», которое демонстрирует разные, подчас противоположные векторы преобразования значений.

«Старая канва» известных литературных сюжетов определяет предсказуемость семантических приращений. Знаковые

слова свидетельствуют о причастности определенной традиции и требуют адекватного восприятия. Соотношение знаковых слов различных методов и направлений разделяет дискурсы рассказчиков: романтически настроенная девица К.И.Т. воспринимает метель не так, как ориентирующийся на традиции классицизма Белкин или ироничный автор-создатель.

Рассмотрим значение знакового для романтизма слова *метель* в заглавии и тексте одноименной повести. Это значение, близкое романтически настроенному читателю пушкинского времени, выходит на первый план благодаря эпиграфу из баллады Жуковского (*Вдруг метелица кругом <...> Вещий стон гласит печаль!*) и подхватывается в дискурсе Марьи Гавриловны, которая *была воспитана на французских романах. На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием.* Интересно, что, несмотря на все предостережения, Марья Гавриловна все же идет навстречу своей судьбе, которая дважды является ей в образе Бурмина.

Отметим, что метель не смогла помешать ни Марье Гавриловне, ни Бурмину, который не мог усидеть на месте, *хотя и смотритель, и ящики советовали <...> переждать: ...вдруг поднялась ужасная метель; метель не унималась; непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал.* Получается, что именно эта метель послужила залогом счастья Бурмина и Марьи Гавриловны, что «хоть и слепа, как любят говорить, судьба, но она же ведет не к беде, а к благополучию» [Узин 1924:14].

Интересно, что и в дискурсе Белкина, который пыгается из всех ситуаций извлечь мораль, метель выступает в гармонизирующей функции:

Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто сляясь остановить молодую преступницу.

На наш взгляд, таково восприятие именно Белкина, поскольку об отношении Марьи Гавриловны к происходящему чуть выше говорится как о *проступке*, а не о *преступлении* (в письме родителям Марья Гавриловна *извиняла свой проступок*). Кроме того, в данном предложении героиня описывается извне, со стороны, тогда как ранее восприятие происходящего давалось с ее точки зрения (*все казалось ей...*). Каждое из этих восприятий метели является знаковым.

В отличие от Белкина и Марьи Гавриловны, Владимир не испытывал по отношению к метели никаких мистических ощущений, для него метель — только явление природы (...*сделалась такая метель, что он ничего не взвидел; Метель не утихла, небо не прояснялось*). Никаких инфернальных сил не предполагает и воплощаемый им в жизнь романтический сюжет «тайное венчание и прощение»:

Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Однако именно и только с Владимиром иррациональные силы играют злую шутку, подменяя жалаемый сюжет со счастливым концом трагическим «роковая гибель».

Столкновение разных значений «метели» в дискурсах и сюжетах различных субъектов речи указывает на позицию автора, уверенного, что жизнь сложнее любых готовых схем, что невозможно строить жизнь по литературным образцам, хотя автор и предполагает потенциальную возможность каждого отдельного сюжета (вспомним, что сюжет «тайное венчание и прощение» был готов осуществиться в «редуцированном» виде: родители Маши, напуганные ее болезнью, уже раскрывают жениху свои «объятия», давая согласие на брак).

Лексема *метель*, амбивалентность которой проявляется в разных контекстах, актуализирующих то сему 'разрушение', то сему 'гармонизация', напрямую связана со словом *судьба*, не менее значимым в структуре романтического дискурса.

Но если в *метели* векторы приращения смыслов направлены в разные стороны, хотя и реализуют в целом веление судьбы, то в самой *судьбе* происходит вытеснение отрицательной коннотации на основе желания Пушкина верить в утверждение Жуковского (*благ Зиждителя закон*), даже вопреки собственному жизненному опыту («Автор словно подсказывает судьбе, поясняя, что нет безысходных положений, и пусть будет счастье, когда не может быть, вот как у него самого» [Ахматова 1977: 168].).

В «Словаре языка Пушкина» дано два толкования слова *судьба*:

1. <...> высшая сила или воля божества, предопределяющая все, что происходит в жизни, <...> и 2. доля, участь; жизненный путь кого-нибудь [Словарь языка Пушкина, Электронный ресурс: 441].

Оба эти значения реализуются в «Повестях Белкина», осознаваясь как знаковые: *судьба* в прямой и несобственно-прямой речи персонажей и рассказчиков указывает на то литературное направление, в духе которого они воспринимают действительность (*Наши любовники <...> сетовали на судьбу* (точка зрения Марьи Гавриловны и Владимира); *Теперь уже поздно противиться судьбе моей* (Бурмин); *Какая-то таинственность окружала его судьбу* (подполковник И.Л.П.)). Хотя последний пример взят из «Выстрела», чаще всего это слово используется в «Метели»; в некоторых контекстах нет самого слова, однако связь происходящего с «судьбой» несомненна: *непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал* (Бурмин).

На наш взгляд, если речь идет о судьбе как о *высшей силе <...>, предопределяющей все*, то в жизни нет места случайностям. Поэтому трудно согласиться с мнением, что «легкомысленный, скачущий Бурмин, по дороге в свой полк *случайно* оказавшись из-за метели в Жадрине, выдает себя за жениха Марьи Гавриловны Р. и венчается с ней. Иначе говоря, именно *Случай* провоцирует *судьбоносный* поступок» [Ильенко, Электронный ресурс: 104]. Нам кажется, что счастье Марьи Гавриловны и Бурмина как раз и было в «планах» судьбы, поэтому вряд ли сначала судьба «набедокурила, но вот она сама же поторопилась исправить причиненное ею зло» [Узин 1924: 14].

В качестве аргументации приведем два внешне не связанных и на первый взгляд незначительных фрагмента текста: во-первых, это пословица *суженого конем не объедешь*, утверждающая предначертанность событий; во-вторых, описание поездки Бурмина в роковую метель. Оказывается, что *кто-то <...> так и толкал* не только Бурмина, но и его ямщика: *Ямщику вздумалось ехать рекою*. Глагол *вздумалось* со значением необдуманного и невольного действия усиливает ощущение неподвластности происходящего отдельному человеку, создает впечатление множественной каузальности происходящего действия. В описании семантики процитированного выра-

жения обратимся к работе Е.П. Волковой «Лексические средства выражения необходимости и невольности действия в русском языке». Исследователь подчеркивает, что грамматическая составляющая данного высказывания работает на выражение смысла «невольное действие»: «дативная конструкция указывает на пассивность субъекта и полностью освобождает действующее лицо от какой бы то ни было ответственности за конечный результат», «лицо находится в плену обстоятельств и действует исходя из сложившейся ситуации» [Волкова 2016: 52]. Безличный глагол *вздуматься* имеет «дополнительно признак произвольности, стихийности, немотивированности действия». Отметим, что Е.П. Волкова называет общие семы глаголов *вздумать*, *вздуматься*: «нежелательные последствия произведенного действия», его «печальный результат» [Там же: 52–53]. Не случайно в узком контексте рассказа Бурмина так и есть: ямщик *проехал мимо, ездки очутились в незнакомой стороне*. Однако в контексте целой повести все оказывается иначе, не так, как казалось: «невольные действия» ямщика так же, как и *непонятное* желание Бурмина ехать в метель, обусловлены велением судьбы, а не случайны, и приводят они в конце концов не к «нежелательным последствиям», а к желанному счастью.

Судьба в дискурсе Бурмина воспринимается в духе романтизма как рок, получая дополнительную сему 'несчастная' и приобретая таким образом отрицательную коннотативную окраску. Происходящее с ним (невозможность, как ему кажется, брака с любимой женщиной) Бурмин описывает в духе романтического сюжета «обида — месть», вспоминая *ту, над которой подшутил <...> так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена*. Отметим, что в предложении со сказуемым-кратким страдательным причастием «для выражения действующего субъекта» возможно «распространение предложения формой т.п.» [Русская грамматика 2005: 297]. Однако ни в дискурсе Бурмина, ни в «Метели» в целом нет такого «субъекта», которому можно было бы приписать «отмщение». (Вспомним, что в основе двух других повестей, построенных на сюжете «обида» — «мечь», такой «мститель» есть: в «Выстреле» это Сильвио, в «Гробовщике» — его комические ипостаси: сначала Андриан Прохоров, приглашающий мертвецов на новоселье в отместку

соседям, потом — мертвецы, которые *вступились за честь своего товарища*.) Следовательно, всё в «Метели» происходит благодаря воле судьбы — как в понимании романтически настроенного Бурмина, так и в повести в целом, когда вслед за «отмщением» следует «прощение».

Однако, если автор, в отличие от романтически настроенных персонажей, воспринимает судьбу как *благо Провиденья*, почему же тогда единственное употребление слова в дискурсе автора окрашено явно ощущаемой иронией:

Поручив барышню попечению *судьбы* и искусству Терешки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику?

Уравнивание *судьбы* и *искусства Терешки-кучера* при помощи синтаксической позиции однородных членов предложения выражает авторское отношение к *роковым обстоятельствам* традиционных романтических сюжетов. Однако, иронизируя над романтическими штампами, Пушкин вполне серьезно относится к самой судьбе, понимание которой не сводится у писателя к восприятию жизни на фоне литературных сюжетов, как у его героев и рассказчиков.

Не случайно в «Метели» есть еще один контекст с «судьбой», в котором значение слова не связано ни со свойственным романтизму благоговением перед неизбежным, ни с характерной для автора ироничностью:

...единогласно все решили, что, видно, *такова была судьба* Марьи Гавриловны, что *суженого* конем не объедешь...

Отметим, что внутренняя форма слова *судьба* актуализируется за счет использования однокоренного *суженый* в ближайшем контексте (*Суженый, роковой, все, что делается судьбою, по судьбе, осуждено или сужено провиденьем* [Даль]). Это несобственно-прямая речь родителей Марьи Гавриловны, которые воспринимают судьбу в духе русских народных традиций и подкрепляют свое решение ссылками на пословицы: *...бедность не порок, <...> жить не с божатством, а с человеком, и тому подобное*. Другими словами, судьба — это не только штамп романтической литературы, но и фрагмент русской национальной картины мира, в семантической структуре которого, по Далю, совмещаются «несчастье» рока и «благо» *Провиденья*.

Обратим, однако, внимание на предположение, следующее за размышлениями о судьбе:

Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Интересно, чьему дискурсу принадлежит обобщение? Для кого из героев / рассказчиков необходимо «оправдание»? Вероятно, для Белкина и родителей Маши, которые первоначально воспринимают ситуацию так, как принято в обществе (*Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстью и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать*). Обычность оценки подобной ситуации подчеркивает выражение *само по себе разумеется*. Поэтому оправдание требуется в случае нетипичного разрешения ситуации «кто беден, тот тебе не пара» (А.С. Грибоедов). Получается, что типичный для русской литературы и русской жизни сюжет «богатая невеста» — «бедный армейский прапорщик» переплетается с романтическими сюжетами «герои-любовники — воля жестоких родителей», «роковая ошибка» и что в каждом из них основную роль играет судьба.

Итак, сложность коннотативной окраски лексемы *судьба* (с одной стороны, *рок*, с другой — *благо Провиденье*) в пушкинской повести совмещает, казалось бы, несовместимые значения, примиря романтический дискурс (Владимир, Марья Гавриловна, Бурмин, рассказчица девица К.И.Т.) с системой ценностей русского человека (родители Маши, автор). И если лексема *метель* организует художественное пространство одной повести, то *судьба* (явленная в слове или присутствующая имплицитно) — всего цикла.

Кажется, что сказанное подчеркивает справедливость слов А.А. Ильина, который, опираясь на позицию С.Г. Бочарова, утверждает, что в «Повестях Белкина» слово «живет живой жизнью, оно ценностно, оно органично», хотя «не описывает, не объясняет и не оценивает» [Ильин 2017: 15]. Однако, на наш взгляд, «художественный логоцентризм, существенно повышающий онтологический вес практически любого пушкинского слова» [Там же], не отменяет и не заменяет «описания» и «объяснения».

Поэтому не удивительно, что сквозь литературные сюжеты явственно проступают сюжеты «жизненные» и прорастают типичные образы русского бытия: *жестокые родители* из «романического сюжета», *добрый Гаврила Гаврилович* как идеал сентиментализма оказываются любящими и любимыми *папенькой* и *маменькой* («Метель»); *молодая проказница* Лиза Муромская с успехом играет роли как крестьянки, так и *благовоспитанной барышни* («Барышня-крестьянка»).

То же самое, на наш взгляд, происходит и в начале повести «Барышня-крестьянка», когда Белкин предваряет романтический сюжет «смертельная вражда», определяющий развитие действия в рассказе девицы К.И.Т., подробным описанием героев и их окружения, эту вражду объясняющим.

Англоман Муромский назван в «Барышне-крестьянке» *настоящим русским баринном*. Однако оксюморонная характеристика является не целью, а средством привлечения внимания к значимой для Пушкина характеристике обычного и необычного в среде провинциального дворянства. Описание Муромского дается на фоне представления Берестова, о котором, в частности, говорится, что он *утроил доходы*. Следующее далее предложение вводит новое имя (*Не ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед*), а затем и противопоставление: *Этот был настоящий русский барин*. Другими словами, «тот», о котором говорилось ранее, «настоящим» (читай: типичным) не является. Типичным является «этот» — Муромский: *Промотав <...> большую часть имения, он продолжал проказничать*. Так, как бы случайно, ненавязчиво и незаметно, даются в повести социальные характеристики героев, сквозь которые за литературностью сюжетов и образов проглядывает реальная русская жизнь (неумение, нежелание, неспособность вести хозяйство).

Таким образом, «живая жизнь» пушкинского слова проявляет себя на всех уровнях текста: как в создании мира художественного, так и в описании и оценке мира действительного, который подчас творит себя, опираясь на литературные сюжеты. Актуализация значимых для автора смыслов происходит как за счет контекстуального со- и противопоставления (*тот* и *этот* барин), так и за счет преобразований в семантической структуре слова. В лексеме *метель* векторы приращения смыслов направлены в разные стороны («разрушение» — «гармонизация»),

хотя и реализуют в целом веление судьбы, а в слове *судьба* происходит вытеснение отрицательной коннотации, и значение 'несчастливая судьба, рок' уступает место противоположному: *благое Провиденье*. Это значение свойственно дискурсу автора и воспринимается как знаковое для «Повестей Белкина».

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А. О Пушкине. — Л., 1977.

Волкова Е.П. Лексические средства выражения необдуманности и невольности действия в русском языке // Текст, контекст, интертекст. — М., 2016. — С. 49–58.

Даль В. Судить [Электронный ресурс]. — URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=39456> (дата обращения: 15.02.2019).

Жилина Н.П. «Повести Белкина»: иерархия ценностей в картине мира пушкинских персонажей // Творчество А.С. Пушкина в контексте христианской аксиологии. — М., 2017. — С. 185–204.

Ильин А.А. «Милостивый государь мой»: авторитетное слово в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина // Волжский вестник науки. — 2017. — № 3 (7). — С. 15–18.

Ильенко С.Г. Самозванство и случай как содержательно-интегрирующие доминанты художественно-стилевой основы «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» [Электронный ресурс]. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12872017_47898385.pdf. — С. 100–112 (дата обращения: 18.01.2019).

Ипполитов С.С., Тюпа В.И. Мистификация Пушкина: кем был покойный «славный малый» Иван Петрович Белкин? // Новый исторический вестник. — 2015. — № 4 (46). — С. 129–148.

Коровин В.И. Россия и Запад в болдинских произведениях А.С. Пушкина: «Моцарт и Сальери», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». — М., 2013.

Русская грамматика: в 2 т. — М., 2005. — Т. 2.

Словарь языка Пушкина [Электронный ресурс]. — URL: https://pushkin-digital.ru/sites/all/libraries/pdf.js/web/viewer.html?file=/sites/default/files/pdf/slovar_yazyka_pushkina_tom4_2000_text.pdf (дата обращения: 10.01.2019).

Узин В.С. О повестях Белкина. Из комментариев читателя. — Пб., 1924.

Хализев В.Е., Шешунова С. Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина». — М., 1989.

REFERENCES

Akhmatova A.O. Pushkine [About Pushkin]. Leningrad, 1977. (In Rus.)

Volkova E.P. Leksicheskiye sredstva vyrazheniya neobdumannosti i nevol'nosti deystviya v russkom yazyke [Lexical means of expressing the

thoughtlessness and unintentionality of the action in the Russian language] In *Tekst, kontekst, intertekst* [Text, context, intertext]. Moscow, 2016, pp. 49–58. (In Rus.)

Dal V. Sudit' [Elektronnyj resurs] [Judging [Electronic resource]]. — URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=39456> (data obrashhenija [access date]: 15.02.2019). (In Rus.)

Zhilina N.P. «Povesti Belkina»: ierararkhiya tsenostey v kartine mira pushkinskikh personazhey [«Tales of Belkin»: a hierarchy of values in the picture of the world of Pushkin's characters]. In *Tvorchestvo A.S. Pushkina v kontekste khristianskoy aksiologii* [A.S. Pushkin's creation in the context of Christian axiology]. Moscow, 2017, pp. 185–204. (In Rus.)

Ilyin A.A. «Milostivyy gosudar' moy»: avoritetnoye slovo v «Povestyakh Belkina» A.S. Pushkina [«Respected Sir»: authoritative word in «Tales of Belkin» by A.S. Pushkin]. In *Volzhskiy vestnik nauki* [Volzhsky Bulletin of Science]. 2017, No. 3 (7), pp. 15–18. (In Rus.)

Ilyenko S.G. Samozvanstvo i sluchay kak sodержatel'no-integriruyushchiye dominanty khudozhestvenno-stilevoy osnovy «Povestey pokoynogo Ivana Petrovicha Belkina» [The imposture and accident as a substantive integrating dominant of artistic and stylistic basis of the «Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin» [Electronic resource]]. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12872017_47898385.pdf, pp. 100–112 (data obrashhenija [access date]: 18.01.2019). (In Rus.)

Ippolitov S.S., Tyupa V.I. Mistifikatsiya Pushkina: kem byl pokoynyy «slavnyy malyy» Ivan Petrovich Belkin? [Pushkin's hoax: Who was the late «nice fellow» Ivan Petrovich Belkin?] In *Novyy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin]. 2015, No. 4 (46), pp. 129–148. (In Rus.)

Korovin V.I. Rossiya i Zapad v boldinskikh proizvedeniyakh A.S. Pushkina: «Motsart i Sal'eri», «Povesti pokoynogo Ivana Petrovicha Belkina» [Russia and the West in the Boldino works by A.S. Pushkin: «Mozart and Salieri», «Tale of the late Ivan Petrovich Belkin»]. Moscow, 2013. (In Rus.)

Russkaya grammatika: v 2 t. [Russian grammar: in 2 vol.]. Moscow, 2005, vol. 2. (In Rus.)

Slovar' yazyka Pushkina [Elektronnyj resurs] [Dictionary of Pushkin's language [Electronic resource]]. — URL: https://pushkin-digital.ru/sites/all/libraries/pdf.js/web/viewer.html?file=/sites/default/files/pdf/slovar_yazyka_pushkina_tom4_2000_text.pdf (data obrashhenija [access date]: 10.01.2019). (In Rus.)

Uzin V.S. O povestyakh Belkina. Iz kommentariyev chitatelya [About the «Tales of Belkin». From a reader comments]. Sankt-Petersburg, 1924. (In Rus.)

Khalizev V.E., Sheshunova S. Tsikl A.S. Pushkina «Povesti Belkina» [A series «Tales of Belkin» by A.S. Pushkin]. Moscow, 1989. (In Rus.)